

ЛИНГВИСТИКА

«Языковое мышление» и «внутренние законы» языка (к проблеме взаимоотношения языка и мышления)

© доктор филологических наук В.Ф. Васильева, 2009

Проблему языкового мышления и внутренних, собственных, законов развития и функционирования языка следует отнести, вне всяких сомнений, к числу «вечных» в лингвистике. На сегодняшний день, как и столетие назад, она продолжает занимать исследователей, оставаясь по-прежнему дискуссионной. Подход к названной проблеме предполагает уяснение обозначенных понятий – «языкового мышления» и «внутренних законов языка». Одни учёные, так или иначе разделяющие положения теории «лингвистической относительности» и «языковой картины мира», наделяют язык, т.е. языковое мышление, креативными способностями, вверяя ему функции мыслящей материи (см. подробно: [Васильева 2009]). Язык в этом случае – ключ к познанию мира. Он сам создаёт представление о мире и, развиваясь **по своим собственным законам**, «навязывает» его носителям способ мышления. Вопрос внутреннего развития языка в этом случае оказывается очевидным. Нельзя не заметить, однако, что язык не является самодовлеющим феноменом, ибо он прежде всего призван репрезентировать результаты мыслительных процессов. По этой причине более убедительной и аргументированной представляется концепция, согласно которой мышление является собой двухуровневую структуру, синтезирующую логическое и семантическое мышление. Логические и семантические формы мысли – это разные уровни одного и того же мышления. «Это закон бинарного, двухуровневого процесса мышления» [Кривоносов 2006: 339]. Иначе говоря, семантическая форма, т.е. собственно языковая, – это поверхностный слой мышления, который является репрезентантом глубинного слоя, т.е. логического мышления. «Семантические и логические формы мышления – это видимая и подводная части айсберга: семантический уровень мышления – видимая и слышимая часть естественного языка в конкретных семантико-грамматических формах предложения; логический уровень – невидимая часть айсберга, которую мы не видим непосредственно, но которая живёт в каждом слове (понятие) и в каждом предложении (суждение)» [Кривоносов 2006: 340-341]. Таким образом, **языковое мышление есть способ сегментации концептуальной картины мира**. К сказанному следует добавить, что абсолютизация одной из форм

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

мышления нарушает соотношение общего (универсальные формы мышления) и отдельного (семантические формы мышления). Подчинение, точнее отождествление языковых форм с логическими определило, как известно, логическое направление в языкознании. Однако признание собственных законов развития и функционирования языка противоречит, по мнению некоторых исследователей, самому понятию «языковое сознание». «Нет у языка, и не может быть **своих собственных законов, есть только законы мышления** (выделено автором) и история развития языкового или семантического мышления или языкового сознания» [Кривонос 2006: 170]¹. Если согласиться с доводами А. Т. Кривоносова, что «не существует общепринятого в языкознании, философии, логике и психологии «чистого» понятия «язык» и не существует общезначимого в языкознании, философии, логике и психологии «чистого» понятия «мышления»... [Кривонос 2001: 716], то можно поставить под сомнение и существование языкознания как самостоятельной научной дисциплины, как, впрочем, и философии, и психологии. Однако, признавая феномен языка в качестве оречевлённого мышления, следует признать и наличие собственных языковых структур, объективирующих результаты мыслительной деятельности. Построение и функционирование этих структур должны иметь свои собственные закономерности.

Облигаторное проявление свойств, качеств, отношений и связей языковых элементов при выполнении заданной функции понимается нами как внутренние, или собственные, законы языка. Не отрицая того бесспорного факта, что «мысль ведёт за собой язык», нельзя не оставить без внимания то обстоятельство, что логическое мышление выполняет функцию «контроля» на глубинном уровне. Именно на нём решается вопрос «о транспортировке» мысли за пределы мозга. Однако на поверхностном уровне, где «расцветивается» логическая форма мысли, «в игру вступают» языковые векторы мысли. Выбор «палитры красок» предопределяется рядом обстоятельств собственно языкового характера. К их числу следует отнести конкуренцию между языковыми структурами (например, между аналитическими и синтетическими номинациями), степень стандартизации тех или иных конструкций, языковой узус и т.д. Так, в области субстантивной лексики чешский язык «отдаёт предпочтение» синтетическим наименованиям [Васильева 2006], а в разряде глаголов со значением многократности имеет место парадигматическое образование синтетических глагольных лексем. Ср.: *nosívat – много раз/часто носить, slychávat – неоднократно/много раз слышать, vařívat-часто готовить (варить). Často tam spával. Он часто там спал. Často míval nápadu. – Ему часто приходили в голову идеи*

¹ В приведённой цитате сохранена пунктуация автора. – В.В.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

[Чешский язык 1990: 197-198]. Чешским языковым узусом предопределяется, в частности, предпочтительное употребление форм мн.числа при выражении дискретной множественности, в отличие от русского языка [Васильева 2003:15-16]. Из имеющегося обширного материала, касающегося функционирования форм категории числа существительных в чешском языке, приведём лишь несколько примеров: *Den učitelů* – День учителя, *Dům umělců* – Дом художника, *čekárna pro matky s dětmi* – комната матери и ребёнка. К общим факторам, обеспечивающим проявление закономерностей в отношениях и связях языковых элементов, оказывающих влияние на структуризацию системы языка, следует также отнести ряд собственно языковых данных. А именно:

- 1) отношения и связи как результат проявления типологических особенностей языка;
- 2) отношения и связи как результат проявления имплицативности языковых единиц;
- 3) отношения и связи, формирующиеся в результате действия аналогии;
- 4) отношения и связи, порождаемые взаимопроницаемостью классов слов.

Приведённый перечень не является, разумеется, исчерпывающим. Однако отмеченные факторы имеют универсальный характер, а потому особо значимы и заслуживают специального рассмотрения. В рамках данной статьи ограничимся лишь их краткой иллюстрацией. Языковая типология выполняет внутриязыковую интегрирующую функцию. Она обеспечивает структурную и функциональную облигаторность употребления языковых единиц, призванных отражать наиболее значимые характеристики, закрепляя место конкретного языка в универсальной типологической классификации. Так, в частности, в языках с видо-временной системой каждая глагольная лексема не может находиться вне категории вида и времени. Все существительные в русском, как и в других славянских языках, со строгой обязательностью выражают значения категории рода, числа и падежа. Флективные языки имеют развитые парадигмы склонения. В систему склонения включаются и заимствования. Однако степень их адаптации в языке-рецепторе может быть неодинаковой. Показательны в этом отношении результаты сопоставительных исследований родственных языков. Например, чешский язык, характеризующийся предельно высокой структурно-морфологической стандартизацией в целом и словоизменительной системы в частности, «втягивает» в свою орбиту склонения такие заимствованные лексемы, которые в русском языке остаются несклоняемыми. Приведём несколько весьма показательных примеров: *kino кино – (z) kina – (ke) kinu – (v)*

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

kině – (s) kinem; kakadu какаду – (od) kakadua – (ke) kakaduovi – (starat se o) kakadua – (hovořit o) kakaduovi – (s) kakaduem; maestro маэстро – (od maestra) – (k) maestrovi/-u – (znám) maestra – (o) maestrovi /-u – (s) maestrem. Возможные отклонения от существующих моделей не могут поставить под сомнение правила функционирования в языке того или иного типологического правила. Исключения свидетельствуют лишь о возможных вкраплениях элементов иной типологии, ибо «...нет языков чистого типа: элементы разных типов сосуществуют и сменяют друг друга на протяжении истории языка» [Гак 1983: 12]. Следует заметить также, что типологическая упорядоченность диктует правила поведения языковых структур как при выполнении ими примарных, так и секундарных функций. Например, функциональная микротипология чешского кондиционала предписывает регулярное употребление его форм не только с целью выражения действия потенциально возможного или ирреального (нереализованного), но и для экспликации многомерной шкалы модальных значений. Укажем лишь некоторые из них, обратив внимание на тот факт, что чешские формы кондиционала не всегда имеют своими эквивалентами в русском языке также формы кондиционала.

1. Выражение желания:

Už abychom ty zkoušky měli za sebou!

Скорей бы уж эти экзамены остались позади!

Aspoň kdybych něco o tom věděl

Если бы / Хоть бы что-нибудь знать об этом!

2. Выражение совета, просьбы, предупреждения, предостережения и др.:

Měl bys to udělat.

Тебе следовало бы (нужно) это сделать.

Měli byste tam jet.

Вам следовало бы (нужно) туда поехать.

Ne abyste přišli pozdě!

Смотрите, не опоздайте!

Kdybyste přišli zítra.

Приходите лучше завтра. / Пришли бы вы завтра..

Měl by ses mu omluvit.

Тебе следовало бы перед ним извиниться.

3. Формы кондиционала в чешском языке употребляются в делиберативных вопросах:

Kdo by to řekl?

Кто бы это мог сказать?

Kam by to jen schoval?

*Куда бы мне это только спря-
тать?*

Подчинение параметров функционирования языковых элементов типологическим предписаниям обеспечивает устойчивость языковой нормы, поддерживает традиционные направления развития языка, включающие как универсальные, так и специфические характеристики.

В структуризацию типологических характеристик «вносят свой вклад» имплицативные (причинно-следственные) отношения языковых единиц. Имплицативные отношения рассматриваются нами как продуцирование одних системно значимых характеристик рядом других, имеющих характерологическое значение. Имплицативные отношения принимают непосредственное участие в структурном и функциональном устройстве языка. Имплицативность проявляется на разных уровнях языковой системы, и в каждом языке она имеет свою специфику. Креативное воздействие имплицативности прослеживается как на синхронном, так и диахронном срезах. Так, в частности, в современном чешском языке, как и в эпоху его национального возрождения, имплицативное влияние и деривационного потенциала продолжает оставаться весьма высоким. Деривационное воздействие проявляется на всех уровнях языковой системы: собственно словообразовательном, лексическом, морфологическом, синтаксическом, прагматическом (Васильева 2003). В подтверждение сказанного ограничимся лишь немногими примерами. Несмотря на то, что собирательные существительные с суффиксом *-stvo* в современном чешском языке, как, впрочем, и их структурные эквиваленты в русском (*купечество, студенчество*) не отличаются высокой продуктивностью, тем не менее словари фиксируют некоторые сравнительно недавние новообразования: *poplatník налогоплательщик – poplatnictvo, podnikatel предприниматель – podnikatelstvo, volič избиратель – voličstvo*. Ср. также: *čtenář читатель – čtenářstvo, spisovatel писатель – spisovatelstvo, pták птица – ptactvo, včela пчела – včelstvo* и многие другие. Несмотря на то, что мотивирующей основой собирательных имён в чешском и русском языках является одно и то же логическое начало – объективация неразличимого сходства, в русском языке в приведённых примерах имеются структурные лакуны. Их наличие объясняется не логическими, а структурными факторами – наличием межъязыковых деривационных диспропорций.

Разная степень имплицативности деривационных процессов в чешском и русском языках наглядно прослеживается при образовании ро-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

довых форм существительных. В чешском языке, в отличие от русского, формы женского рода образуются от форм мужского рода практически без ограничений. Ср.: *inženýr – inženýrka, filolog – filoložka, docent – docenka, archeolog – archeoložka, architekt – architektka, ředitel ředitelka* и т.д. Важно подчеркнуть, что указанные и подобные им дериваты не являются в чешском языке стилистически маркированными, как, например, *директриса, врачиха, генеральша* и т.п.

Анализируя феномен имплицативности и его значимость для организации внутрисистемных отношений в историческом плане, нельзя не обратить внимания на весьма показательные в этом отношении данные английского языка. Закреплённость в английском языке тематической функции за подлежащим способствовала развитию тенденции, в соответствии с которой « в среднеанглийском языке почти все безличные конструкции были преобразованы в личные и она (эта тенденция. – В.В.) продолжает весьма активно проявляться до сих пор» [Матезиус 2003: 36]. Развитию личных конструкций, в свою очередь способствовал распад падежных окончаний, когда «исходный дательный или винительный падеж ...мог быть принят за номинатив» [Матезиус 2003: 39]. Широкое функционирование в английском языке пассивных конструкций является также результатом имплицативных отношений. Его следует рассматривать «как следствие тематического представления грамматического подлежащего, из-за чего часто бывает невозможно использовать в функции сказуемого активную конструкцию» [Матезиус 2003: 34]. С тематической функцией подлежащего в английском языке связан отчасти и фиксированный порядок слов в предложении. «Вследствие этого в английском языке не может осуществиться актуальное членение предложения с помощью порядка слов, и язык вынужден для этого создавать иные возможности» [Матезиус 2003: 173]. Изложенные факты языковой имплицативности, число которых может быть свободно увеличено, являются, на наш взгляд, весомым доказательством функционирования собственно языковых закономерностей, определяющих векторы развития языка. К сказанному добавим, что национальная специфика феномена имплицативности служит одной из причин межязыковой асимметрии не только на структурном, но и на семантическом уровне.

Взаимосвязь языковых структур может обуславливаться действием аналогии. Оно хорошо известно в лингвистике и проявляется, так же как и имплицативность, на всех уровнях организации языка. Здесь лишь отметим, что распространение существующей в языке структуры на новые единицы может осуществляться и при отсутствии исконной смысловой базы. Иначе говоря, речь идёт об образовании новых единиц по чисто структурной схеме. В подобных случаях становится очевидным ослабление прозрачности мотивационной связи между языковой едини-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

цей и внеязыковой реалией. Подтвердим высказанное положение языковыми данными. Хорошо известно, что многие дериваты имеют структуру универбов, не будучи таковыми, не являясь семантическими конденсатами. Так, в частности, в чешском языке, как и в других славянских языках, по образцу универбизованных существительных, входящих, в частности, в разряд предметно-бытовой лексики, морфологическим способом образованы многие имена, пополняющие лексический состав указанного разряда. При сравнении обоих типов существительных различия в мотивационных связях представляются бесспорными:

универбы	морфологические дериваты
<i>semišové střevice</i> замшевые туфли- <i>semišky</i>	<i>korat</i> копать, пинать – <i>koráčku</i> бутсы
<i>gumové boty</i> резиновые сапоги- <i>gumáky</i>	<i>hora</i> гора – <i>horovku</i> лыжные ботинки
<i>kožené kalhoty</i> кожаные брюки – <i>koženku</i>	<i>pumpa</i> насос – <i>pumpku</i> брюки гольф и т.п.

Поскольку словосочетания, являющиеся мотивационной базой универбов, активно функционируют в языке, связь последних с внеязыковой реалией оказывается тем более прозрачной. На возможность собственно языкового порождения мотивационных моделей указывают учёные-этимологи, исследуя этимологические гнезда и лексико-семантические поля [Варбот 2008: 13]. Богатый материал, иллюстрирующий проявление собственно языковых отношений и связей представляет языковой феномен наличия взаимопроницаемости классов слов. С учётом нашей проблематики особое значение приобретает частеречная транспозиция. Наиболее показательна для нас в этом отношении – возможность выполнения лексемой как полнозначной понятийной функции, так и строевой: *Лодка плыла вниз по течению – Зайдите в течение дня; Продолжение следует – В продолжение всего разговора непрерывно курит; Знать вдоль и поперёк – Идти вдоль берега* и т.п. Функциональная бинарность языковой единицы в указанных и подобных случаях демонстрирует, с одной стороны, её соотнесённость с внеязыковой реалией, а с другой, – служит «операционным» инструментом, необходимым для выполнения другими единицами семантических функций.

Обобщая всё вышеизложенное, отметим, что внутренние законы языка обусловлены его онтологией: «Отличительная особенность создания языка состоит в том, что практически язык никогда не создаётся на пустом месте. Он создаётся всегда при наличии некоторого количества слов и форм, оставшегося от предыдущего состояния. Этот остаток обладает двумя характерными особенностями: с одной стороны, он играет роль материальной базы для создания в языке нового, с другой стороны, он в известной степени ограничивает сам процесс лингвосози-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

дательного мышления, ставя его в определённые условия» [Серебренников 1983].

ЛИТЕРАТУРА

- Варбот Ж.Ж.* Этимологические гнезда и лексико-семантические поля в синхронии и диахронии // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид. 10-16 сентября 2009 г. Доклады Российской делегации. М.: «Индрик», 2008
- Васильева В.Ф.* Семантическая характерология в контексте сопоставительного изучения языков (на материале русского и чешского языков) // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология, 2003. № 2.
- Васильева В.Ф.* Деривационные структуры как формы семантического Мышления // Универзитет «Св. Кирил и Методиј». Скопје. Филолошки факултет «Блаже Конески». Скопје, 2006.
- Васильева В.Ф.* «Языковая картина мира»: Миф и Реальность (полемиические заметки) // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология 2009, № 3.
- Гак В.Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1976.
- Кривоносов А.Т.* Система классов слов как отражение структуры языкового сознания. М.–Нью-Йорк, 2001.
- Кривоносов А.Т.* Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической относительности», «языковой картине мира» и «марксистско-ленинском языкознании». М.–Нью-Йорк, 2006.
- Матезиус В.* О лингвистической характерологии (на материале современного английского языка) // *В. Матезиус.* Избранные труды по языкознанию. М., 2003.
- Матезиус В.* Основная функция порядка слов в чешском языке // *В. Матезиус.* Избранные труды по языкознанию. М., 2003.
- Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983.
- Широкова А.Г., Васильева В.Ф., Едличка А.* Чешский язык. М., 1990.